

Проф. д-р Йозеф М. Шмидт (Германия)

Двухсотлетие "Органона медицины" — сравнительный взгляд на шесть его изданий (1810—1842)

*Доклад на 65-м Конгрессе Международной гомеопатической
лиги, Лос-Анджелес (Калифорния), 18–22 мая 2010 г.*

<http://www.homeoint.ru/homeopathy/essence/schmidt3.htm>

Абстракт

"Органон рациональной терапии" Самуэля Ганемана, изданный в 1810 году, не знаменует собой ни начала, ни конечной точки в развитии гомеопатии. С одной стороны, его содержание основано на терминах и концепциях, разработанных и опубликованных Ганеманом в течение двух десятилетий, предшествовавших изданию. С другой стороны, пять (пересмотренных) изданий "Органона", которые увидели свет в следующие три десятилетия, содержат существенные изменения в теории и концепциях. Однако основная идея Ганемана, проходящая через все этапы основания, разработки и защиты его учения, может быть обнаружена при сравнительном рассмотрении его работ с исторической и философской точек зрения.

Введение

Сегодня, в 2010 году, снова говорят, что гомеопатия достигла своего двухсотлетия. Гомеопаты уже отмечали двухсотлетие гомеопатии по крайней мере трижды в течение последних двадцати лет, в соответствии с важными этапами в развитии гомеопатии Самуэлем Ганеманом (1755—1843). В 1990 г. исполнилось 200 лет знаменитому эксперименту Ганемана с корой хинного дерева на самом себе, который позже стали считать зарей гомеопатической идеи. В 1996 отмечалось двухсотлетие публикации Ганеманом основных принципов гомеопатии, включавших лекарственные прувины на здоровых людях и лечение в соответствии с принципом "Similia similibus". В 2007 г. отмечал свой двухсотлетний День рождения термин "гомеопатический". Существительное "гомеопатия", однако, не было придумано и опубликовано Ганеманом до 1810 года, равно как и основной принцип гомеопатии "Similia similibus curentur", который впервые был опубликован в своем завершенном виде в "Органоне рациональной терапии". Следовательно, в 1810 году гомеопатия получила свой главный учебник и лозунг, таким образом утвердив себя в качестве самостоятельного субъекта.

Тот факт, что название первого издания "Органона", опубликованного в 1810 году, звучит как "Органон рациональной терапии", в то время как все следующие издания (со второго по шестое) вышли под названием "Органон врачебного искусства", может служить первым намеком на то, что неверным было бы полагать развитие гомеопатии завершенным к 1810 году. В самом деле, сравнительный взгляд на различные издания может обнаружить скорее различные изменения в концепциях и теориях в развитии "Органона", чем непрерывность подхода, которая, конечно, тоже присутствует, но труднее раскрываема. Гомеопаты, которые всецело полагаются только на последнее (шестое) издание, почувствуют эту проблему, если глубоко ее изучат. Раздражение и мнимые противоречия, вытекающие из критического прочтения, часто могут быть решены демонстрацией того, что Ганеман, пересматривая содержание "Органона" пять раз, не всегда был полностью последователен в ликвидации старых концепций и замене их новыми. Таким образом, хотя "Органон" на протяжении всех своих шести изданий стал что называется Библией гомеопатии, столь же верно, что для большинства людей основное руководство по гомеопатии еще остается своего рода тайной за семью печатями.

Для того чтобы пролить новый свет на содержание "Органона", давайте попробуем сделать шаг назад и взглянуть на более широкую перспективу, в которой рассмотрим его соответствующий исторический и философский контексты.

Исторические перспективы

С незапамятных времен из-за опасностей, грозящих существованию людей, мотив их лечения был вечной задачей, чем-то вроде основной антропологической константы. Это можно обнаружить на протяжении всех исторических эпох и на всех континентах мира. Цель эта, однако, независимо от того, была ли она вызвана состраданием,

поклонением, любопытством или традициями, могла (и на самом деле так оно и было) восприниматься и достигаться очень по-разному. Как демонстрирует история медицины, понятия, термины и теории о том, как лечить людей, широко варьировались в зависимости от времени, места, интеллектуального климата, социально-экономических стимулов и культурных и политических обстоятельств. При историческом взгляде с высоты птичьего полета понятно, например, что не случайно гомеопатия появилась в XVIII и XIX веках в Германии. В самом деле, она не соответствовала ни греческой античности, ни западному Средневековью, ни традиционной китайской культуре, и так далее.

На волне крупных политических, социальных и экономических изменений, таких как Французская революция, получение гражданских прав и начало индустриализации, а также возникновение интеллектуальных движений, таких как просвещение, немецкий идеализм и немецкий романтизм, возникла, особенно в Германии на рубеже веков, замечательная культура критического и глубокого мышления. Словно внезапно освобожденные все усиливающейся потребностью в экономической рационализации, не только ученые и врачи, но даже богословы и философы пытались насколько это было возможно расширить область рациональности в своих областях. (Поскольку термин "ratio" происходит из ведения коммерческих счетов, "рационализм" может рассматриваться торжеством денег как формы мышления во всех жизненных сферах.) В то время как Кант, например, утверждал, что необходимо возвести метафизику в ранг истинной (рациональной) науки, многие врачи (равно как философы и художники) стремились добиться того же для медицины.

Теперь дело всей жизни Ганемана, т.е. обнаружение, основание и дальнейшее развитие гомеопатии, может быть рассмотрено и оценено на этом фоне и в этом контексте, начиная с самого первого его представления о принципе подобия в 1790 году, и до завершения 6-го издания "Органона" в 1842 году. Таким образом, первое издание, опубликованное в 1810 г., возможно, потеряет часть своего декларируемого статуса выдающегося догматического ориентира, не говоря уже о своего рода сакральном тексте. Оно скорее окажется одним из переходных этапов насыщенной литературной и медицинской карьеры.

Философские перспективы

Наряду с учетом региональных и культурных обстоятельств, влияний и предубеждений его времени и современников (излюбленная тема медицинских исторических исследований), для более точного понимания работ Ганемана также важно рассмотреть другую проблему более философского характера, с которой сталкивается любой открыватель чего-либо нового и ранее неслыханного. Один из парадоксов человеческого существования заключается в том, что язык, логика и понятия позволяют людям сообщать свои мысли и мнения другим человеческим существам, но в то же время язык, логика и понятия ограничивают содержание того, что вообще возможно передать другим. Как правило, обычные люди могут воспринимать, чувствовать и понимать только те вещи, относительно которых у них, во-первых, есть ощущение, а, во-вторых, основное понятие. Например, не имея понятия о стуле, мы были бы не в состоянии представить какой-либо стул в этой (или в любой другой) комнате — на самом деле, мы даже не знали бы, что искать, и т.д. Все остальное — например, особенности органов чувств летучих мышей, пчел или угрей, или духовные или мистические прозрения святых и т.д., — проскальзывает через сито нашего привычного восприятия и понимания и, таким образом, остается непонятым для нас.

В случае, когда кто-то обнаружил нечто действительно новое и неслыханное, будь то случайно или с помощью интуиции, силлогизма, откровения, провидения или чего-либо иного, у него, чтобы сообщить об этом людям, нет другого способа, кроме как попытаться выразить это с помощью общепринятого языка, логики и понятий. Однако если бы это нечто можно было легко понять и довести до других с помощью таких средств, оно, вероятно, было бы открыто задолго до того. Сам тот факт, что это действительно новое и неслыханное, ясно показывает, что это должно выходить за рамки обычного языка, логики и понятий. История содержит много примеров того, как философам, писателям, а также врачам, иногда приходилось раздвигать границы языка или даже создавать дополнительную или альтернативную терминологию для своих новых подходов.

В отличие от Парацельса, например, которого никоим образом не тревожил, когда он развивал свой собственный понятийный мир, вместе с его алхимическими, астрологическими и терапевтическими находками (в любом случае, большинство его книг были опубликовано посмертно), Ганеман, живший 300 лет спустя, был в большей степени обязан соблюдать концептуальные стандарты и моду своего времени. Хотя современные процедуры экспертной оценки еще не были созданы, получить возможность опубликовать статью, например, в журнале Гуффеланда, или найти издателя для медицинской книги, было бы, конечно, невозможно, если не говорить на одном языке со своими коллегами и не разделять их научные интересы. Эмпирическая информация не может быть передана до тех пор, пока языковые, логические и

понятийные рамки не будут понятны обычному читателю. Вот почему Ганеман использовал такие термины, как "организм", "жизненная сила", "жизненный принцип", "динамичный", "потенции", "функция", "лекарства", "миазмы", "причины заболевания", "признаки", "симптомы" и т.д., а также почему он никогда не прекращал изучать их взаимоотношения и значение в течение своей долгой практики, врачебной и литературной. Если бы Ганеман жил сегодня, для того чтобы получить доступ к рецензируемому медицинскому журналу, он несомненно должен был бы, как любой другой, подчиниться требованию писать с использованием современных научных терминов, таких как "иммунология", "эпигенетика", "кибернетика" и т.д. Насколько это возможно, однако, он скорее всего использовал бы прогрессивные понятия, например, такие как "комплексность", "семиотика", "теория систем" и т.д.

Для того чтобы рассмотреть "Органон рациональной терапии", 200-я годовщина которого отмечается в этом году, в контексте стремления Ганемана к признанию своими современниками, давайте теперь ближе взглянем на то, как он изменял форму подачи и аргументацию своих утверждений в течение свыше 50 лет.

За различными мнимыми изменениями в его взглядах, акцентах и понятиях, можно, в конце концов, обнаружить в значительной степени непрерывное развитие основной идеи и концепции, имеющей, для надежности, некоторые теоретические и терминологические разрывы. Задача состоит в том, чтобы абстрагироваться или выделить из раздражающих и противоречивых концепций оригинальное видение и опыт, которые вдохновляли Ганемана всю жизнь — так сказать, невербальную сущность гомеопатии, которая должна быть выражена шире, чем в рамках одной теории, и передаваема в разные периоды времени и на разные языки.

Ранние труды Ганемана (1790—1809)

В 1790 году в переводе "Материи медики" Уильяма Куллена Ганеман, имея опыт собственного прувинга коры хинного дерева, привлек внимание читателя к сделанному им наблюдению, что "вещества, которые вызывают некоторую разновидность лихорадки, гасят эти виды перемежающейся лихорадки" (JMS 29).

Ссылаясь на это раннее заявление, в публикации в журнале Гуфеланда в 1796 г. Ганеман представил себя как "истинного врача, совершенствующего свое искусство в сердце", а потому сосредоточенного только на двух вопросах: 1. какие чистые эффекты содают лекарства в здоровом человеческом организме? и 2. чему нас учат их эффекты при различных заболеваниях? (GKS 222). Отвергая все другие (косвенные) источники знания о лекарствах, такие как химия, ботаника, эксперименты на животных и т.д., Ганеман предложил прувинги на здоровых людях и лечение в соответствии с принципом "Similia similibus". Однако если основная причина болезни, такой, как глистная инвазия, была известна, ее ликвидация будет "королевской дорогой" искусства исцеления. Если основная причина неизвестна, как это бывает в большинстве случаев, антипатическое лечение (лечение противоположным) может быть подходящим только при острых болезнях. Хронические болезни, с другой стороны, следует лечить так называемыми "спецификами", т.е. лекарствами, которые практически доказали свою полезность в подобных случаях. Для любого болезненного состояния должны быть специфические лекарства (GKS 220F). В этой ранней публикации поражает бескомпромиссное прагматическое отношение Ганемана к его практической цели — исцелению людей, результатом чего стал дифференцированное и сбалансированное обращение с причинным и феноменологическим подходами.

В другой публикации в журнале Гуфеланда в 1797 году, Ганеман в первый раз написал о различии между "динамическими" и "химическими" действующими лекарствами (GKS 265); в 1800 году в своем переводе "Thesaurus medicaminum" Ричарда Пирсона он противопоставил "динамическое" "механистическому" (JMS 64), а в 1801 году, в журнале Гуфеланда, — "атомному" (GKS 349).

В 1801 году, снова в журнале Гуфеланда, Ганеман представил свою концепцию "фиксированных болезней", которые имеют устойчивые причины, например, "достаточно неизменный миазм", как сифилис или псора, и сходное течение. Все другие болезни, бесконечно различные по своим симптомам, должны рассматриваться как индивидуальные (GKS 321). "Для практического использования" Ганеман также отличает "материальные" и "динамические" причины заболевания. Если материальная причина, такая как заноза, инородное тело или желчный камень, могут быть обнаружены и устранены, это должно быть сделано. Однако так как динамические причины не были известны по своей сути, даже если кто-то знал их названия, такие как "псориаз", "сифилис" или "натуральная оспа", их нельзя лечить непосредственно (GKS 326f).

Кроме того, в этих публикациях Ганеман представлял себя как бесспорно практического врача, который подчеркивал разницу между динамическим и материальным (или химическим, механическим, атомным), потому что это различие, как ему казалось, имело прямые терапевтические последствия.

В 1805 году в журнале Гуфеланда Ганеман представил свою доктрину под заголовком "Опытная медицина". Он еще раз отметил, что некоторые болезни могут иметь одну и ту же причину (например, миазм): они могут быть именоваться "особыми заболеваниями", имеющими одно название, и лечиться одними и теми же лекарствами. Все остальные болезни, однако, были неоднородны и неисчислимы, и должны были рассматриваться как индивидуальные, состоящие из уникальных комбинаций многообразных влияний на этого человека в этих обстоятельствах. При работе с пациентом врач должен расспросить об основных причинах, а также о возбуждающих причинах (GKS 390—392). Помимо этих практических советов, однако, над публикацией довели попытки Ганемана сформулировать и теоретически объяснить свое учение в терминах современных ему представлений. Для этой (академической) цели он должен был прибегнуть, например, к теории раздражения, чтобы объяснить принцип подобия: патогенные и лекарственные раздражители (потенции) провоцируют болезнь: если они не являются подобными, они приостанавливают друг друга, а если подобны, они друг друга уничтожают (GKS 395—398).

С помощью семиотической теории он пытался обосновать свой феноменологический подход к множеству индивидуальных болезней: так как внутренняя сущность любой болезни обнаруживает себя через признаки и симптомы, они являются "самой болезнью" (GKS 392). Чтобы объяснить, почему знания всех признаков и симптомов действительно достаточно для исцеления от каждой индивидуальной болезни, Ганеману пришлось прикрыться теологическими и метафизическими понятиями: Бог, мудрый и исцеляющий создатель человечества, гарантирует, что даже при условии ограниченного восприятия люди должны быть в состоянии излечивать (GKS 390). "Терапия" теперь определялась как "опытная наука" (GKS 390), и отрицалось мнимое исцеление неизлечиваемыми лекарствами (GKS 405).

В этой публикации 1805 года, которая была предшественником "Органона", мы видим, как Ганеман погрузился в научный дискурс своего времени, очевидно, под давлением, чтобы объяснить и поддержать в современных ему академических терминах то, чем он практически занимался в течение более десяти лет. Из-за требования научного соответствия возникла необходимость в объяснении всего. Однако, поскольку любое доказательство или аргументация основываются на предпосылках, Ганеман в конечном счете был вынужден ввести в своих трудах, в качестве первичной предпосылки, богословскую тему.

В 1807 году, снова в журнале Гуфеланда, Ганеман представил им придуманный и определенный термин "гомеопатический" (GKS 461). Сожалея, что "истина" лечебного исцеления до сих пор еще не была "научно обоснована", он назвал свое учение "наиболее рациональным и совершенным способом исцеления" (GKS 472). До этой публикации термин "рациональный" использовался Ганеманом только мимоходом, например, когда он говорил о "более рациональном новом времени" в 1797 году (GKS 264), "рациональном враче" в 1800 году (JMS 65) или "рациональном использовании" кофе в 1803 году (GKS 364). С того времени, однако, когда Ганеман вступил в фазу защиты своего учения как единого целого, термин "рациональный", равно как "истина", становится все более важным для него.

В то же время, в серии статей в популярном журнале для широкой публики (AAAdD) Ганеман еще держался на расстоянии от традиционных наук. В 1808 году он подчеркнул, что, так как способ, с помощью которого "жизненность" работает, не сводится к каким-либо механическим, физическим или химическим мерам (GKS 503), мудрый врач органичивает "познание" жизненности опытом" (GKS 505). В 1809 году он рекомендовал студенту "изучать медицину" только потому, что "надо знать, какие понятия люди, которые считают себя умными врачами, имеют обо всех вещах, которые они не разумеют" (GKS 531).

С другой стороны, в открытом письме к Гуфеланду в 1808 году Ганеман пытался реконструировать достоинства своего открытия, чтобы представить их, насколько это было возможно, в виде неоспоримой и последовательной картины, опираясь в большой степени на телеологические аргументы. В этом контексте он впервые назвал свой новый терапевтический принцип "законом природы" (GKS 495) и сравнил свои трудности в признании догматиками с историей Лютера (GKS 498). В 1809 году, наконец, Ганеман значительно изменил смысл своей терминологии: теперь уже термин "искусство врачевания" используется уничижительно, в то время как термин "терапия" стал новым идеалом (GKS 540).

Шесть изданий "Органона" (1810—1842)

Высокая оценка Ганеманом терминов "рациональный" и "терапия" в течение этого периода могла, безусловно, повлиять на название работы, изданной в 1810 году, чье 200-летие будет отмечаться в этом году: "Органон рациональной терапии".

В данной работе Ганеман ввел существительное "гомеопатия" и впервые представил полную формулировку основного принципа гомеопатии: "Similia similibus curentur" ("Org 1", р. v). Опираясь на цитату из Фрэнсиса Бэкона, впервые упоминаемую в 1805 году

(GKS 370), "врачебное искусство" было осуждено как "искусство гадания", до тех пор, пока пересмотр Ганеманом не породил "полезную истину" ("Org 1", p. i-iv). Собственной целью Ганемана было "рациональное лечение", т.е. "в соответствии с фиксированной причиной" (p. vii, xxxi). Провозглашалось, что его учение опирается на "гомеопатический закон излечения" (p. vii, xxxi), "гомеопатический закон природы" (p. xviii), "не имеющий исключения закон гомеопатии" (§ 199), и еще на несколько "специальных законов рациональной терапии" (§ 200).

Что касается примеров случайного гомеопатического излечения врачами прошлого, он даже говорил о "гомеопатических причинных связях" (p. xlviii). Теория раздражения, выдвинутая в 1805 году, теперь была заменена идеей, что "организм получает специальные настройки от болезни" и не может получить другую настройку, без необходимости отказаться от первой (§ 21). Прувинг лекарств объяснялся исключительно в декартовых терминах: "Лекарственные вещества вызывают симптомы заболевания в соответствии со специальными законами" (§ 89).

В 1810 году более чем в 1805 году Ганеман был обеспокоен тем, насколько соответствуют его знания и воззрения запасу научных терминов и понятий. Таким образом, его более практические результаты отошли на второй план, как и его дальнейшая дифференциация между фиксированными, индивидуальными и коллективными заболеваниями (§ 48–60), и его объяснение концепции "викариации" как предупреждения не лечить местные симптомы, игнорируя лечение "внутренней болезни", такой как сифилис или псора (§ 173–175).

Представляющие проблему его попытки постигнуть феномен жизни с позиции рациональности были вызваны его склонностью к обобщению и догматизму. Действительно, в 1813 году в статье в уже упомянутом популярном журнале (AAdD), Ганеман даже заявил, что природа действует в соответствии с (гомеопатическими) "законами" — "с математической точностью" "во всех случаях".

Утверждалось, что гомеопатия является наиболее "определенным, надежным, мягким, быстрым и прочным способом" лечения (GKS 647).

В 1819 году появилось 2-ое издание "Органона" под названием "Органон врачебного искусства". В предисловии Ганеман несколько раз заявлял, что его предметом является "искусство исцеления", а под "истинным искусством исцеления" подразумевалась "чистая наука эксперимента" ("Org 2", p. 6–14). Термин "рациональный", занимающий столь видное место в 1-ом издании, был теперь последовательно удален из всей книги, за исключением одной сноски, где он использовался для осуждения ошибок старой "рациональной" школы (§ 6). Этот остракизм термина "рациональный" был сохранен во всех последующих изданиях "Органона". То же изменение отношения можно было увидеть в тонком изменении формулировок в разделе 1: в 1810 году отправной точкой и подлежащим был "врач", у которого была "цель". Однако в период с 1819 по 1842 год акцент был сделан на новом подлежащем, "призвании" врача, при этом "врач" оказывается в родительном падеже. Кроме того, новые сноски к этому разделу отныне служили явным разграничением с академическим теоретизированием, как это обычно позволяли себе профессора "теоретического лекарственного искусства" (§ 1). Во время как в 1-ом издании на титульном листе было размещено теологическое стихотворение Геллерта, теперь оно было заменено на лозунг "aude sapere" (дерзай знать), но "sapere" означает не только "знание", но и "обоняние", то есть чувственную деятельность, которая не может быть полностью переведена в рациональные понятия.

Термины и понятия, используемые в этом издании для того, чтобы передать коллегам Ганемана по профессии идею о том, что такое гомеопатия, кажутся менее декартово-академическими, и ближе к феномену. Болезнь, например, теперь описывалась как "духовное разрегулирование (расстройство) нашей жизни в чувствах и деятельности" или "нематериальная разрегулировка (расстройство) нашего благополучия" (§ 53). В то же время, однако, он продолжал утверждать (вплоть до 6-го издания), что его учение было основано на гомеопатическом "законе природы" (§ 20, § 43, § 65, § 116, § 142) или "исцеляющем законе природы" (p. 53, § 45). Практически важным здесь было предложение Ганемана спрашивать пациентов про бывшие инфекции со специфическими миазмами, такими как сифилис, псора или сикоз (!), так как местный симптом, т.е. шанкр или кожная сыпь, могли исчезнуть, а с ними и полнота картины (§ 228).

3-е издание "Органона", опубликованное в 1824 году, было незначительно измененной копией 2-го. Тем не менее, Ганеман вставил одобрительный комментарий относительно месмеризма (§ 319–320) и некоторые расширения практических правил для лечения хронических заболеваний (§ 108b, 167b). Сикоз, уже очерченный очень резко как внутренняя болезнь со специфическими местными и вторичными симптомами, отныне занимает свое место наряду с псорой и сифилисом. Для лечения псоры Ганеман предложил внутреннее использование лучшего "антипсорического лекарства" и, таким образом, впервые использовал здесь термин "антипсорическое лекарство" (§ 220).

В 1828 году Ганеман опубликовал свою монографию о природе и лечении хронических болезней. Как он писал, он работал над этим вопросом с 1816 года, т.е. с периода времени между 1-м и 2-м изданиями "Органона", когда он отказался от термина "рациональная терапия" и в качестве идеала избрал "искусство врачевания". Основываясь на своей известной концепции фиксированных болезней, викариации и оригинальных и возбуждающих причинах, Ганеман теперь отнес все хронические болезни к прошлой инфекции с хроническим миазмом (псора, сифилис или сикоз) и заявил, что они могут быть исцелены гомеопатически. Однако тот факт, что под псорой понималось самое заразное заболевание и универсальная болезнь, сохраняющаяся без лечения пожизненно, как "паразит" (1 СК, 14), имел далекоидущее следствие, что практически никто не сможет от нее освободиться, если заболит (Ганеман считал себя одним из немногих исключений, СК 1, 57). До теории псоры нормальность состояла из здоровых людей, которые иногда болели. Теперь каждого (почти) следовало считать хроническим больным, по крайней мере, в латентном состоянии, и не имеющим возможности восстановиться без гомеопатической помощи.

В 4-ое издание "Органона", опубликованное в 1829 году, должны были быть включены и упрочены изменения в парадигме, вытекающие из теории псоры. Одним из основных понятий, помогающих Ганеману объяснить, почему средний человек будет болеть и не будет здоровым, стала "жизненная сила". В то время как в 1-ом издании "Органона" этот термин появился только один раз ("Org 1", § 227), во 2-ом издании дважды ("Org 2", § 75, 287), в 3-ем издании 10 раз ("Org 3", § 75, 287, 319, 320) и даже в "Хронических заболеваниях", в 1828 году, только три раза (СК 1.2, 1.86, 3.49), всегда только в общем неспецифическом смысле, в 4-ом издании Ганеман использовал его 76 раз ("Органон", 4-ое издание, Предисловие, Введение глава 1, ii—iv, § 17, 24, 40, 46, 48, 60, 65, 66, 68, 72, 105, 142, 191, 202, 280, 291, 292), в 5-ом издании 139 раз, а в 6-ом издании 106 раз.

В отличие от прошлого использования термина "жизненная сила" как метафорического синонима "природы" или "организма", теперь Ганеман делает различие между "мудрой", "большой природой самой по себе" и "неделимой природой человеческого организма", т.е. "инстинктивной, неразумной жизненной силой" (Предисловие), которая, однажды расстроенная, "грубая и слепая", действует "автоматически", и усиливает ее "весьма несовершенны" и "являются самой болезнью". Этому, конечно, не следует подражать. Напротив, "искусство врачевания" требует "силы возвышеннейшей — ума человеческого", "ума, размышления и суждения", чтобы гомеопатически перенастроить "расстройство нашего жизненного начала" (Введение). Только с этого момента болезнь рассматривается как динамическая разрегулировка жизненной силы: утверждается, что "всякая болезнь (не хирургическая) состоит только в динамическом отклонении жизненной силы от правильного состояния" (§ 24) и "жизненное начало раз было поражено новой болезнетворной силой..." (§ 40); хронические миазмы рассматривались как "самые ужасные враги человеческого рода" (§ 71).

В 5-ом издании "Органона", опубликованном в 1833 году, главными стали вопросы конфронтации и демаркации, такие, как значительно более жесткие атаки Ганемана на аллопатию, а также его новое размежевание с "изопатией" ("Органон", 5-ое изд., § 56), с предполагаемой группой "пустых и вредных сектантов" (§ 149, прим. 88), с представителями "секты лжегомеопатов" (§ 246, прим. 108) и с новой группой "самодовольных начинающих" и новообращенных. В ходе нового ужесточения гомеопатической самоидентификации, с этого времени он утверждал, что гомеопатия — "свод чистых, истинных и несомненных действий" (§ 143), она является единственным истинным искусством исцеления: "гомеопатическое употребление лекарств есть единственный способ лечения человеческих болезней известным и совершенным образом" (§ 109), и предложил использовать 30С-потенцию как стандартную дозу (§ 246, § 270, § 287), особенно в виде "запаха" (§ 285, прим. 124).

Обойдя свои бывшие оценки, Ганеман теперь оценивает долю хронических заболеваний в 99%. В 6-ом издании, однако, он опять сократил свою догадку: "большинство из оставшихся хронических болезней окажутся результатом развития трех хронических миазмов" ("Органон", 6-ое изд., § 204).

6-ое издание "Органона", завершённое Ганеманом в рукописи в 1842 году, почти не содержит принципиальных изменений в концепциях и идеях. С практической точки зрения, однако, там был целый ряд соответствующих модификаций доктрины Ганемана, представленных в первый раз. Самым удивительным было его описание нового и более сложного способа потенцирования, т.е. такого, по которому позже стали производить Q-потенции (§ 270—271), вместе с новыми направлениями в дозировке и интервалах в назначении и правилах ведения случая, включая описание нового вида (позднего) обострения (§ 280—282). В отличие от сказанного в изданиях 3—5, Ганеман больше не считает месмеризм просто "вспомогательной помощью", которая может "действовать гомеопатически", но не выполняет "прочное излечение" ("Org 3", § 319; "Органон", 4-ое изд., § 291; "Org 5" § 293). Теперь месмеризму предоставляется равный статус "бесценного дара Бога человечеству", он "устраняет болезненное состояние жизненного принципа пациента" (§ 288). Ганеман признал

полезность применения, при определенных обстоятельствах, магнитов, электроэнергии и гальванизма (>§ 286—287), а также массажа и ванн (§ 290—291).

Впервые Ганеман также включил в "Органон" свое видение гомеопатических больниц и образования (§ 271, прим. 157).

Заключение и перспективы

Возможно, теперь стало ясно, что "Органон рациональной терапии", опубликованный в 1810, нельзя адекватно понимать и обсуждать без учета его контекста. Гомеопатия не началась и не закончилась с первым изданием "Органона". Напротив, последнее находится скорее в середине ганемановского литературного и практического жизненного пути. Основные принципы гомеопатии, т.е. прувинги лекарств и лечение по подобию, были установлены уже в 1796 году, и основные понятия, такие как "динамический", "фиксированные болезни", "миазм" и оригинальные и возбуждающие причины были разработаны в 1796, 1797, 1801 и 1805 годах соответственно. Были разработаны различные научные теории, чтобы сделать новый метод правдоподобным, понятным и приемлемым для академических врачей в 1805 году. Даже название "гомеопатический" было придумано не позднее 1807 года. По сравнению с этими подготовительными мероприятиями, достижения 1-го издания "Органона" были не более чем строгим приведением книги в соответствие с шумихой вокруг рациональности, царившей в те дни.

С другой стороны, формальное сходство шести изданий "Органона", если посмотреть на это поверхностно или с некоторой наивностью, может привести к возникновению впечатления, что все издания "Органона" (1—6) были, по существу, одной книгой, которая просто публиковалась в разное время с некоторыми исправлениями. Однако более глубокий сравнительный взгляд на те же шесть изданий может способствовать их рассмотрению в другом свете. Каждый из них, в сущности, приобрел свой индивидуальный облик: от первого, самого амбициозного и рационалистического издания, ко второму, более художественному и феноменологическому, к третьему — почти без изменений, к четвертому, который полностью определил теорию проры, к пятому, самому драчливому и разграничивающему, к шестому, вероятно наиболее прагматичному и сбалансированному изданию. Каждому из них, несомненно, соответствует особая фаза в жизни и развитии Ганемана, в его социальных условиях и интеллектуальном окружении. Он начинал с того, что в 1810 году старался произвести впечатление на читателей своего первого "Органона" с помощью рационалистического призыва превратить медицину в естественную науку; в 1819 году Ганеман решил сформулировать новый идеал медицины как "искусства исцеления"; почти ничего не добавил к этому в 1824 году; осуществил большие изменения парадигмы в 1829 году и ассимилировал их в текст; в 1833 году он защитил свое учение от различных угроз и ложных друзей и, живя в Париже, отточил в практическом отношении дело всей своей жизни в 1842 году.

Тем не менее, шесть изданий "Органона" не только различаются, но в то же самое время связаны своего рода крепкой невидимой нитью. Что касается основной идеи Ганемана относительно искусства исцеления, то, с одной стороны, он пытается держаться настолько это возможно ближе к больному человеку и первичному явлению (нарушение здоровья или самочувствия, расстроенная жизненность, потенцированные лекарства, способные влиять на эти состояния, и т.д.) и, с другой стороны, стремится найти инструменты, правила или законы, которые делают предъявляющие высокие требования медицинскую практику ясной и надежной.

Если допустить, что эта основная идея является сутью ганемановского духа, пропитавшего все его труды, всю его практику и все его исследования, все еще остается необходимость перевести это расплывчатое и нечеткое видение в конкретные термины и понятия: сложная задача, с которой Ганеман столкнулся и которую новаторски решал на протяжении всей своей жизни. Тот факт, что он должен был соотноситься с теорией, идеями и концепциями своих современников, совершенно не умаляет его достижения. Напротив: вместо того, чтобы критиковать или разбирать зависимость Ганемана от современных ему условий, гомеопаты должны продолжить в 21 веке осуществление благородных и полезных намерений, стараясь перевести неуязвимую миссию истинной медицины на язык современных гуманитарных наук и философии.

Только если кто-то на самом деле попытается написать седьмую (или восьмую) редакцию "Органона", он, возможно, поймет, как много Ганеман уже сделал в предыдущих шести.

Список литературы

- Org 1 Hahnemann, Samuel. Organon der rationellen Heilkunde. Dresden: Arnold, 1810
- Org 2 Hahnemann, Samuel. Organon der Heilkunst. 2. Auflage. Dresden: Arnold, 1819
- Org 3 Hahnemann, Samuel. Organon der Heilkunst. 3. Auflage. Dresden: Arnold, 1824
- Org 4 Hahnemann, Samuel. Organon der Heilkunst. 4. Auflage. Dresden und Leipzig: Arnold,

1829

Org 5 Hahnemann, Samuel. Organon der Heilkunst. 5. Auflage. Dresden und Leipzig: Arnold, 1833

Org 6 Hahnemann, Samuel. Organon der Heilkunst (1842). Textkritische Ausgabe der 6. Auflage. Bearbeitet und herausgegeben von Josef M. Schmidt (1992). Neuausgabe. Stuttgart: Haug, 2002

CK Hahnemann, Samuel. Die chronischen Krankheiten, ihre eigenthümliche Natur und homöopathische Heilung. Dresden und Leipzig: Arnold, Bd. 1–3: 1828; Bd. 4: 1829

GKS Hahnemann, Samuel. Gesammelte kleine Schriften. Herausgegeben von Josef M. Schmidt und Daniel Kaiser. Heidelberg: Haug, 2001

JMS Schmidt, Josef M. Die philosophischen Vorstellungen Samuel Hahnemanns bei der Begründung der Homöopathie (bis zum Organon der rationellen Heilkunde, 1810). München: Sonntag, 1990

Адрес для корреспонденции

Dr. med. Dr. phil. Josef M. Schmidt
Institute of the History of Medicine
Ludwig Maximilians University
Lessingstrasse 2
D–80336 Munich
Germany